

Глеб Иванович Успенский

Наши добровольцы на чужой стороне

Письма из Сербии

Глеб Успенский

**Наши добровольцы
на чужой стороне**

«Public Domain»

1876

Успенский Г. И.

Наши добровольцы на чужой стороне / Г. И. Успенский —
«Public Domain», 1876 — (Письма из Сербии)

«Здесь», местных, причин, дурно влиявших на русского добровольца, было многое множество. Решаясь идти на смерть, русский доброволец хотя и имел полное право утверждать, что для него «все один черт», но сознание, что это дело приносит ему «во всяком случае» «неприменно» честь, играло в его решимости едва ли не такую же значительную роль, как и его изломанное прошлое. Так вот одна из первых причин множества неудовольствий, наполнявших сердце русского добровольца, состояла именно в том, что на первых же порах по прибытии сюда доброволец не находил почти ничего, что ласкало бы его самолюбие; дома, в России, он в последние дни перед отъездом привык считать себя выше других, привык получать похвалы и восторги, пил, сколько хотел, и т. д. Этого же самого ожидал он в глубине души и подвезжая к Белграду, к Сербии – и, к удивлению своему, ничего такого не находил; Белград не делал ему никакой «шумной и крикливой чести»...»

Глеб Иванович Успенский

Наши добровольцы на чужой стороне

«Здешних», местных, причин, дурно влиявших на русского добровольца, было многое множество. Решаясь идти на смерть, русский доброволец хотя и имел полное право утверждать, что для него «все один черт», но сознание, что это дело приносит ему «во всяком случае» «непременно» честь, играло в его решимости едва ли не такую же значительную роль, как и его изломанное прошлое. Так вот одна из первых причин множества неудовольствий, наполнявших сердце русского добровольца, состояла именно в том, что на первых же порах по прибытии сюда доброволец не находил почти ничего, что ласкало бы его самолюбие; дома, в России, он в последние дни перед отъездом привык считать себя выше других, привык получать похвалы и восторги, пил, сколько хотел, и т. д. Этого же самого ожидал он в глубине души и подъезжая к Белграду, к Сербии – и, к удивлению своему, ничего такого не находил; Белград не делал ему никакой «шумной и крикливой чести»... Доброволец как-то забывал, что Белград не только не «продолжение» его торжеств, начавшихся в России, но, напротив, полнейшее и решительнейшее их прекращение; забывал, что именно с этого пункта его путешествия и начинается «служба», «подвиг», «жертва», на которую он шел добровольно; забывал, что здесь лазареты наполнены ранеными, что здесь то и дело хоронят убитых, что здесь все задумчиво и озабоченно и что, следовательно, нет никакой возможности требовать, чтобы так уныло настроенный город каждый день являлся на пристань и орал «живию» и делал бы угощения, овации.... Ничего этого доброволец не принимал в соображение, полагая, что в Белграде, напротив, для него будет устроено нечто гораздо более забористое, чем то, что было устроено в Москве, в Саратове, в Харькове. Мало того, нередко даже обижался, если слышал, что ему, например, придется жить в казармах.

– Как в казармах? – удивляясь и негодуя, восклицал иной Доброволец из благородных или состоятельных.

– Да так, в казармах, как все.

– Я-то?

– Ты! А что же ты такое?

– Да если они только посмеют упрятать меня в казармы, так мне черт их возьми и с Сербией! – сейчас уеду назад... Чтобы я со всякой сволочью...

– Да ведь ты волонтер или нет?

– Ну, волонтер!

– И вот этот солдат – волонтер...

– Нет, разница!

– Никакой разницы нет...

– Нет, уж извини, большая разница!

– Никакой нет разницы, – ты теперь солдат, и он солдат... Какая же разница?

– И очень большая разница! Он свинья, а я...

– А ты что?

– А я со свиньей не хочу быть вместе, вот и все! Черт их возьми! в казарму?! Я еду на свой счет...

– Да ведь ты в солдаты идешь-то? Ведь ты солдат – ну, и иди в казармы... бери ружье!

Многие поистине с удивлением узнавали, что между одним солдатом и солдатом другим, третьим – нет никакой разницы в правах и обязанностях и что быть волонтером – значит быть солдатом, значит переносить все трудности военной жизни. У иных, по-видимому, образовалось представление о волонтере, как о существе, решительно ничем, никому и ни перед кем не обязанном: иному казалось, что раз он пошел в волонтеры, так это значит, что он получил

право отклонять от себя какие бы то ни было обязанности, пользуясь, напротив, всевозможными правами.

– Я волонтер! – кричал один доброволец на начальника партии, к которой он был причислен: – мне никто не имеет пр-рава приказывать.

Многие из этих господ, свирепствовавшие все три тысячи верст своей дороги, полагали, что все это «еще не то», не настоящее, гак, от скуки, «в дороге», а что вот в Белграде – так там уже только держись, что начнется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.